

Пробуждение Яи было мучительным. И дело было вовсе не в побоях или боли пониже спины после того, как его бесцеремонно спихнули с кровати — его терзала мигрень. Раскалывающая, беспощадная головная боль, словно кто-то методично вбивал в виски раскалённые гвозди.

— Милый... голова раскалывается, — прохрипел он. Голос после хмельной ночи сел и звучал донельзя жалко.

— Так тебе и надо! — огрызнулся со стороны Лун Юй. Он лежал спиной к мужу, и его голос — осипший, с капризно-соблазнительными нотками — заставил сердце Яи сладостно ёкнуть.

— Ну, сокровище моё... — Яи придвинулся ближе, обхватил супруга сзади и силой развернул к себе. Но стоило ему взглянуть на лицо возлюбленного, как гнев мгновенно вытеснил похмельную негу. — Это кто тебя так обидел?!

Уголки глаз Лун Юя покраснели, на щеках виднелись следы слёз, а на губах — отчётливые отпечатки зубов. Всё указывало на то, что над ним издевались.

Лун Юй молча поднял руки, демонстрируя запястья. На бледной коже виднелись багровые следы от пут. Лишь благодаря тому, что ткань была шёлковой и дорогой, она не была содрана до крови.

— Это... я сделал? — осторожно, прощупывая почву, спросил Яи.

В ответ ему в физиономию прилетела подушка. Оставалось лишь радоваться, что Лун Юй предпочитал мягкий лебяжий пух. Будь подушка керамической, голова Владыки Преисподней точно бы раскололась, как перезрелый арбуз.

— А кто ещё?! — Лун Юй продолжал охаживать его подушкой. — Ты — великий Миньван! Ну не умеешь пить — не пей! Но ты же ещё и буянишь во хмелю! У меня поясница едва не отвалилась! Как можно так издеваться над человеком? Всё, я от тебя уйду! Слышишь? Мы расстаёмся! Мы... м-м-м!

Яи даже не пытался защищаться, но, услышав о «расставании», мгновенно перешёл в контратаку. Он прижал строптивного супруга к себе и заткнул его возмущённый рот долгим, властным поцелуем. Лун Юй обмяк в его руках, и тогда Яи, взяв его за подбородок, заставил посмотреть на себя. Миньван смотрел зловеще.

— Ещё раз скажешь про расставание — и я сделаю так, что ты до конца жизни с кровати не встанешь.

— Да я и так встать не могу! — прошипел Лун Юй. По запальчивости он и не заметил, как разболелось всё тело, но стоило ему попытаться пошевелиться, как каждая мышца отозвалась ноющей болью.

— Болит? — смягчился Яи. Он отпустил подбородок супруга и ласково повёл ладонями по спине вниз.

— Мы расстаёмся! Не трогай меня! — возмутился Лун Юй. Они оба были совершенно наги, кожа к коже, и прохлада тела Яи, словно кусок старого нефрита, который невозможно отогреть, обычно действовала на него успокаивающе. Но сейчас сухие, едва прохладные ладони, скользящие по позвоночнику, вызвали лишь рой мурашек и предательский жар внизу живота.

Лун Юй мысленно выругался. «Ну что за бесхарактерность? Стоило этому гаду прикоснуться, и тело уже готово сдаться!»

Когда руки Яи опустились на талию, Лун Юй невольно вздрогнул. Муж замер, мягко массируя ноющие мышцы.

— Повыше... немного повыше, — пробормотал Лун Юй. Сам не заметив как, он уже обвил шею Яи руками и уткнулся лицом в его плечо. Голос его звучал глухо, а интонации стали томными.

— Здесь? — Яи послушно переместил ладони, продолжая нежно разминать поясницу.

— Да... — выдохнул Лун Юй. Волна сладкой истомы накрыла его, и он едва не застонал. Чтобы сдержаться, он впился зубами в плечо Яи — не больно, но достаточно крепко, чтобы оставить чёткий след.

— Сокровище моё... — голос Яи охрип от желания. — Сзади не болит? Давай я и там смажу лекарством.

— Бесстыдник! — Лун Юй попытался оттолкнуть его, чтобы дотянуться до одежды, но Яи вновь уложил его на лопатки.

— Не спеши. Я правда хочу помочь.

Полог кровати, только-только откинутый, снова скрыл их от мира.

— Я всё равно от тебя уйду! Уйди! Не смей! — Лун Юй уже занёс ногу, чтобы спихнуть мучителя с кровати, но Яи прошептал ему на ухо всего одну фразу.

— Родной мой... давай заведём ещё одного ребёнка. На этот раз я обещаю, что буду рядом с тобой с самого первого дня, пока он не родится.

Эти слова заставили сердце Лун Юя дрогнуть. Гнев улетучился, и он, покорно раскинув руки, отдался во власть мужа.

«Коварный тип! Как можно бить по самому больному?» — подумал он, прежде чем окончательно утонуть в ласках.

Пока в маленьком переулке жизнь замерла на два дня (соседи всё понимали и не смели беспокоить лавочников), в поместье принцессы бушевала буря.

Ли Гуй всегда отличалась крутым нравом, но обычно её вспышки гнева случались раз в несколько дней. Теперь же она неистовствовала вторые сутки напролёт. Слуги едва успевали выносить осколки драгоценного фарфора и заменять разбитые вазы новыми.

Никто не решался подойти к ней. Накануне один несчастный попытался дать совет, и принцесса в ярости так его толкнула, что бедняга рухнул прямо на острые черепки. Осколки располосовали ему лицо и перерезали горло. Вид крови лишь больше разозлил Ли Гуй, и она приказала страже забить раненого палками до смерти. С тех пор слуги при виде её гнева разбегались, боясь попасть под горячую руку.

Но в этот раз бежать было некуда. Ли Гуй целенаправленно швыряла предметы в людей.

— Почему?! Почему он на меня даже не смотрит?! — Шестигранная ваза врезалась в плечо слуги в синей ливрее. Тот покачнулся, но устоял, хотя осколки впились ему в руки.

— Неужели я некрасива?! А?! — Вторая ваза прилетела точно в голову другому рабу. Кровь брызнула на ковёр, но слуга, собрав последние силы, продолжал стоять.

— Тьфу! Мерзость какая! — Ли Гуй с отвращением уставилась на алую лужу. — Эй, кто-нибудь! Утащите его и забейте до смерти!

— Ваше Высочество, пощадите! — взмолился несчастный, но стражники с каменными лицами уже тащили его прочь.

Вскоре из-за дверей послышались глухие удары и хрипы. Слуги в комнате дрожали всем телом. Жизни здесь не стоили и ломаного гроша. К смерти привыкли все: и рабы, и бездушная стража, и сама Ли Гуй, для которой люди были лишь расходным материалом.

Когда в комнате не осталось ничего, что можно было бы разбить, в дверях показалась статная фигура.

— Ваше Высочество, — проговорила лингуань, официальное лицо при дворе императрицы. — Её Величество призывает вас.

— Я сейчас же переоденусь и явлюсь, — Ли Гуй мгновенно подобралась. Матушку-императрицу она боялась и уважала, зная, что та не потерпит своеволия.

Через полчаса принцесса в полном парадном облачении уже ехала в карете к дворцу.

В стране Сюаньжу царил матриархат. Женщины здесь обожали красоту, и императорский сад был тому подтверждением. Благодаря подземным термальным источникам цветы здесь благоухали круглый год.

На маленьком мостике у самой воды стояла женщина в светло-зелёном платье. Её длинные волосы, ничем не скреплённые, каскадом ниспадали до самых икр. Лицо было чистым, без грамма белил, и лишь на лбу алела точка киновари. Тонкими пальцами она черпала корм из белой чаши и бросала в воду, наблюдая за игрой золотых карпов. В лучах солнца она казалась существом высшего порядка, святой небожительницей.

— Матушка, — Ли Гуй склонилась в глубоком поклоне. Её вычурный наряд разительно контрастировал с аскетичной грацией императрицы.

— Поднимись, — сухо бросила Ли Юань, не оборачиваясь.

Принцесса встала по правую руку от матери, послушно опустив голову. Она гадала, зачем её вызвали на этот раз.

— Ции пора остепениться, — наконец заговорила императрица. Она никогда не давала имён своим приёмным детям, называя их лишь по номерам. Ли Ции был семьдесят первым. — Титулованная Цюань И положила на него глаз и просит отдать ей в мужа. Ты должна уладить это дело.

«Уладить» означало заставить Ли Ции добровольно и с радостью войти в дом Цюань И.

— Матушка, я слышала, что Ции заглядывается на канцлера Яо Чжи, заклятого врага госпожи Цюань И, — осторожно заметила Ли Гуй, не желая, чтобы соперничество двух чиновниц из-за мужчины подорвало покой двора.

— Я знаю, — императрица даже не повела бровью. — Но у Яо Чжи уже есть кто-то на примете, и я не позволю этому мальчишке вносить смуту в её дом. Сделай всё, как я сказала.

— Я всё поняла, матушка, — кивнула Ли Гуй, и она хитро блеснула глазами. — А если я справлюсь, могу ли я рассчитывать на награду?

Ли Юань слегка улыбнулась, скользнув взглядом по дочери:

— И чего же ты хочешь?

— Я встретила двоих мужчин. Одного хочу взять в главные мужья, другого — в наложники. Прошу вашего благословения.

Радость принцессы была недолгой.

— Дерзость! — Громовой окрик императрицы заставил Ли Гуй рухнуть на колени. — Кто ты такая?! Забыла свой статус? Как ты смеешь предлагать места главных мужей невесть кому? Если они тебе приглянулись — возьми в фавориты, и дело с концом. Но замахиваться на законный брак?!

— Матушка, я... я просто потеряла голову. Они так прекрасны, что я сочла их достойными... — Ли Гуй поспешно пыталась оправдаться, холодея от страха.

— Хм! Что же это за демоны такие, что так затуманили разум моей дочери? — усмехнулась Ли Юань, но она посмотрела стальным взглядом. — Может, стоит их казнить, чтобы они больше не смущали твой дух?

Ли Гуй хотела было заступиться за них, но вовремя прикусила язык. Она знала: одно слово в защиту — и головы Яи и Лун Юя полетят с плеч, а её саму ждёт опала.

— Почему молчишь? — спросила императрица.

— Дочь во всём полагается на мудрость матери. Я была неосмотрительна, — смиренно проговорила принцесса.

Ли Юань удовлетворённо кивнула и протянула ей пустую чашу:

— Чтобы это было в последний раз.

— Я всё поняла, матушка.

Принцесса перевела дух, но следующая фраза матери заставила её похолодеть:

— Как-нибудь приведи этих двоих ко мне. Хочу лично увидеть, что это за «сокровища», способные лишить тебя рассудка.

— Слушаюсь, — выдавила Ли Гуй.

Внутри у неё всё сжалось. Она чувствовала: надвигается беда, и избежать её не удастся.

<http://bllate.org/book/17533/1704030>